

Американские неизвестные величины в кризисе порядка

«В общих чертах США – это то общество, к которому мы придём через несколько лет». Эти слова прозвучали в 1962 году. Выступая на съезде Движения коммунистической левой, Арриго Черветто указывал, что итальянское общество развивается по *американской канве*. Ускоренное разложение крестьянства, рост обширного промышленного пролетариата, появление «белых воротничков» и наёмных работников сферы услуг: *американизация* итальянского и европейского общества в первую очередь исходила из законов капиталистического развития и изменения классов, но через трансформацию социальной психологии она в какой-то мере влияла и на политические формы.

«Я считал верным указание Маркса, согласно которому наиболее развитая в капиталистическом отношении страна указывает будущее более отсталой», – прокомментирует Черветто двадцать лет спустя; американское развитие в целом демонстрировало закономерности превращения в державу империализма.

Однако наряду с критерием *американской канвы*, заимствованным у Маркса и обновлённым, чтобы представлять общую закономерность империалистического развития, Черветто на протяжении многих лет отмечал решающее значение материалистического изучения социальной психологии и политической истории, которые лежат в основе национальных особенностей различных держав, углубляя анализ и научно обосновывая специфический *моральный фактор*, который их отличает. Это два критерия, которые необходимо развивать и удерживать в равновесии, и здесь также следует опираться на марксистское научное наследие.

В течение XX века Соединённые Штаты не только превратились в сильнейшую мировую державу, став образцом империалистического развития, но и оказались страной периодических «*лихорадок*»: достаточно вспомнить религиозные *пробуждения* или *маккартизм*, а также маятник идей *американской исключительности* – от сосредоточенности на внутренних проблемах к активной внешней политике. Для Маркса Штаты, с рывком развития Калифорнии в середине XIX века, стали ареной *резкого поворота*¹, который сместил центр тяжести мирового развития с Атлантики на Тихий океан. Но, как демонстрировали экономические теории Генри Чарлза Кэри, именно потому, что капитализм в Новом Свете «развивался так быстро, так поразительно»², его ложное сознание выразилось в «*универсализме янки*», который воспринимал американскую исключительность как норму, а остальной мир – как одинаково чуждый. Для Кэри, пишет Маркс, «Франция и Китай» были «одинаково близки»; он всегда «выступает как человек, живущий у берегов Тихого и Атлантического океанов»³.

Конечно, в XX веке США извлекли выгоду из самоуничтожения Европы в двух мировых войнах, а во второй половине века они были в центре всех балансов: *действительного раздела* Европы в Ялте и *четырёхполярной*, а затем *пятиполярной* игры с СССР, Китаем, Японией и Индией в Азии. Именно это в конечном счёте имело значение для соотношения сил в мировом масштабе, и только в 90-е годы и в новом веке это было нарушено крахом СССР, объединением Европы и, прежде всего, вторжением на мировую арену Китая.

Но что касается *лихорадок*, которые пронизывают всю социальную и политическую историю США, то в отдельных сражениях они часто становились частью расчётов союзников и противников. Шарль де Голль полагал, что риск взрыва Америки из-за «*терроризма*» или «*расизма*» может служить аргументом в пользу стратегической автономии *force de frappe*⁴. Конрад Аденауэр опасался, что изменчивость американского общественного мнения поставит под вопрос гарантии «расширенного сдерживания», основанные на ядерном потенциале США, для защиты Германии. Британцы, в алхимии *особых отношений* Лондона и Вашингтона, мечтали – как некогда греки в отношении римлян – смягчить эффект «упрощённости» американской политической культуры. В мифологии *блок против блока* времён «холодной войны» они замечали, что Вашингтон не слишком различает устремления молодых капиталистических стран к автономии – устремления националистические, пусть эти страны и опирались на СССР или Китай в своей антиколониальной борьбе и собственном восхождении. Мао Цзэдун во время войны во Вьетнаме, советуя лидерам Ханоя продолжать сопротивление американцам, объяснял это исторической неспособностью США поддерживать длительное военное присутствие за рубежом. Хельмут Шмидт, ещё при

президентах Джимми Картере и Рональде Рейгане, сетовал на эрозию двухпартийного консенсуса по внешней политике и отмечал захват ключевых должностей в администрации партийными деятелями через практику *дележа добычи*. Он также предвидел скорый перенос в Европу *телевизионной демократии* и *политики-спектакля*.

Здесь стоит отметить, что *американизация* политических форм – это не столько подражание, сколько объективный результат взаимосвязей *экономической общественной формации*. Она отражает как вторжение крупного капитала в индустрию развлечений и информации – *гигантов масс-медиа*, кентавров, соединяющих частную логику капитала и публичное политическое влияние, – так и исчезновение организованного влияния партий на психологию масс и, в частности, новых промежуточных слоёв и госслужащих. Кризис партий, который сегодня выражается в собственнических страхах и неуверенности на фоне упадка, впервые проявился ещё в период расцвета цикла *социал-демократизации* – после завершения построения *социального государства* и колоссального расширения государственного аппарата, в котором эти партии выступали в качестве посредников.

Возникает вопрос. Сегодня социальные особенности *поздней империалистической зрелости* типичны для всех старых держав: повсеместное распространение наёмного труда, расширение как высших слоёв, так и иммигрантского пролетариата, живущего в условиях сегрегации, семьи с *несколькими источниками доходов*, широкий рост числа собственников и *собственнический индивидуализм*, снижение рождаемости вплоть до *демографического кризиса*. И сегодня *относительный упадок* США, Европы и Японии определяет отношения между державами на фоне восходящих Китая и Индо-Тихоокеанского региона, в соответствии с тем, что предсказывал Маркс в 1850 году.

Что же тогда происходит с *американской канвой* в условиях *кризиса порядка* и *атлантического упадка*? И в какой степени колебания в Вашингтоне, односторонние претензии президентства Трампа и напряжённость, затрагивающая разделение и равновесие властей, являются случайными особенностями кризиса в США? Здесь обостряются исторические черты американской политической культуры или же прослеживаются признаки *нового политического цикла* и противостояния держав, которые станут общими и постоянными?

В определённой степени верно и то, и другое. Но это предполагает оценку *американского кризиса* и *кризиса порядка* в их взаимной связи, с научным вниманием к времени и пропорциям.

(продолжение на стр. 2)

Сентябрь 2025 г.

¹ - Русский перевод цитируемого в статье отрывка из "Первого международного обзора" К. Маркса и Ф. Энгельса отличается от итальянского («*Per la seconda volta il commercio mondiale subisce un colpo di timone*») и звучит следующим образом: «*Во второй раз мировая торговля получает новое направление*» (Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 7. С. 232).

² - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. I. С. 20.

³ - Там же. С. 23.

⁴ - Сил ядерного сдерживания.